

ПАТРУШЕВ СЕРГЕЙ

АПОКАЛИПСИС
ДЕМОНА

Сергей Патрушев

Апокалипсис Демона

«Автор»

2026

Патрушев С.

Апокалипсис Демона / С. Патрушев — «Автор», 2026

Ксаль — ошибка природы, демон-полукровка, рождённый от союза суккуба и отчаявшегося чернокнижника. Его красные глаза выдают проклятую кровь, из-за чего эльфийское общество презирает и боится его. Он привык быть тенью, выживая в грязи трущоб АэльТириэна и не надеясь на спасение. Но когда Великая Бездна прорывает ткань реальности, и на город обрушиваются легионы чудовищ, именно Ксаль становится последней надеждой умирающего мира. Чтобы закрыть врата, ему предстоит пройти путь от презренного изгоя до спасителя. Сбросить оковы: Пожертвовать иллюзией безопасности и выпустить демоническую ярость. Заплатить цену: Отдать свою кровь и свою человечность, чтобы стать «Замком», удерживающим миры от слияния. Завоевать доверие: Доказать гордым эльфам, что монстр может быть благороднее короля, сражаясь плечом к плечу с теми, кто его ненавидел.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Город, который меня ненавидит	5
Глава 2. Эль и презрение	13
Глава 3. Иллирия и огонь	20
Глава 4. Первая трещина в небе	25
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Сергей Патрушев

Апокалипсис Демона

Глава 1. Город, который меня ненавидит

Солнце Аэль’Тириэна не грело. Оно висело над шпилями из живого серебра и перламутра, преломлялось в хрустальных мостах, перекинутых через водопады, и рассыпалось на мириады холодных, равнодушных искр. Город пел. Это была не музыка, которую можно услышать ушами, а вибрация, проникающая прямо в кости. Тысячи голосов — от глубокого, утробного гула древних дубов, чьи кроны пронзали облака, до хрустального перезвона эльфийских шпилей — сливались в единую симфонию абсолютной, недостижимой жизни.

Для Ксаля эта симфония звучала как погребальный звон.

Он стоял на границе Великого Леса, там, где магия эльфов заставляла гранитную дорогу плавно перетекать в переплетение живых корней. Его пыльные сапоги, сшитые из кожи неизвестного в этих краях зверя, казались грязным оскорблением на фоне этой стерильной, пульсирующей чистоты. На нем был простой дорожный плащ из некрашеной шерсти, под которым скрывалась легкая кольчуга, а на поясе висел меч с простой крестовиной — оружие наемника, лишенное всяких украшений. Обычный человек. Уставший, пропахший потом, дорожной пылью и дешевым элем из придорожных таверн.

Обычный, если бы не глаза.

Красные радужки, в которых не было белков, а лишь густая, запекшаяся кровь, выдавали его с головой. В них не отражалось ни величие Аэль’Тириэна, ни усталость долгого пути. В них плескалась вековая, выжженная дотла пустота. Демоническая метка. Клеймо, которое в землях людей вызывало страх и желание перекреститься, а здесь, в сердце перворожденных, источало чистое, дистиллированное отвращение.

Он сделал шаг на живую дорогу. Корни под его ногой едва заметно дрогнули, пытаясь отстраниться, сбросить чужеродную тяжесть.

— Смотри, куда ставишь свою человеческую падаль, — прошелестел голос, в котором не было ни капли тепла.

Ксаль медленно повернул голову. Справа, прислонившись к стволу ивы, чья кора отличалась перламутром, стоял эльф. Высокий, неправдоподобно изящный, с кожей цвета лунного молока. Его волосы, белые как свежеснеженный снег, были заплетены в сложную косу, украшенную звенящими серебряными кольцами. Одет он был в тунику из паутиного шелка, которая, казалось, стоила больше, чем вся жизнь Ксаля.

Эльф не смотрел на него. Его взгляд был устремлен вдаль, на парящие сады, но угол его губ изогнулся в брезгливой гримасе.

— Твоя вонь оскорбляет Древо, — продолжил эльф, по-прежнему глядя в сторону. — В землях людей вы сжигаете своих мертвецов. Почему ты еще не в огне?

Ксаль не ответил. Он знал эту игру. Любое слово, любой жест защиты лишь подольет масла в огонь эльфийского высокомерия. Он просто обошел перворожденного, стараясь не коснуться его даже краем плаща. За спиной раздался тихий, мелодичный смех, похожий на треск льда.

Чем глубже он заходил в город, тем плотнее становилась стена презрения. Торговцы на площади, продающие плоды, светящиеся изнутри мягким золотом, демонстративно отворачивались, когда Ксаль останавливался у их прилавков.

— Почтеннейший, — обратился он к старику, чьи пальцы, казалось, были сплетены из древесных ветвей. — Мне нужен хлеб. И фляга воды.

Эльф-торговец медленно, с оскорбительной ленцой повернул голову. Его глаза, огромные и бездонные, цвета весенней листвы, скользнули по лицу Ксаля, на секунду задержались на его красных радужках и тут же остекленели. — Мы не обслуживаем мясную гниль, — произнес он на Общем языке, но с таким акцентом, что слова казались осколками стекла. — Иди к южным воротам. Там дварфы торгуют своим вареным камнем. Им плевать, чем ты дышишь, пока платишь золотом.

Ксаль молча достал из поясного мешочка три золотые монеты — целое состояние по меркам приграничных деревень — и положил их на прилавок рядом с караваем, покрытым румяной коркой.

Взгляд эльфа едва заметно дрогнул. Жадность была понятна даже перворожденным. Он медленно, двумя пальцами, словно боясь испачкаться, сгреб монеты. — Хлеб за две, — бросил он. — Воду найдешь в канаве.

Каравай полетел в сторону Ксаля. Он не стал его ловить, позволив хлебу упасть в дорожную пыль. Развернулся и пошел дальше, чувствуя спиной десятки взглядов. Они не просто ненавидели его. Они его изучали. Как изучают редкую, уродливую плесень, выросшую на стене в безупречной купальне. Для них он был не личностью, не врагом и даже не зверем. Зверь имеет право на ярость, на клыки. Ксаль для них был просто ошибкой природы, досадным сбоем в ткани мироздания, который по какой-то причине еще не стерли.

Он шел по главной артерии города — Проспекту Тысячи Огней. Мимо проплывали эльфы. Мужчины с походкой танцоров, женщины, чьи движения напоминали течение ртути. Они носили одежды, которые меняли цвет от настроения, украшения, в которых была заперта магия стихий. Дети — если эти вечно юные создания могли называться детьми — играли с живым светом, заставляя его складываться в фигуры драконов и фениксов. При виде Ксаля игры замирали. Матери инстинктивно, быстрее мысли, закрывали своих отпрысков полами плащей, словно его взгляд мог отравить их бессмертную кровь.

Он искал тень. Искал место, где песня города станет чуть тише.

Район, куда он в итоге вышел, эльфы называли Шепчущими Тенями. Для города перворожденных это была трущоба. Дома здесь не росли из земли, а были грубо привиты к скалам. Живое серебро стен потускнело, покрылось сетью серых прожилок. Водопады здесь были заключены в каменные желоба, и их рев больше не ласкал слух, а бил по вискам. Здесь жили те, кого эльфийское общество отторгло: полукровки, чьи человеческие гены проступали слишком явно, ремесленники, чьи руки огрубели от работы с металлом и лишили их магической чувствительности, и просто те, кто устал от вечности и сошел с ума.

И люди. Редкие, затравленные люди — наемники, воры, контрабандисты, нашедшие лазейку в защите города.

Здесь на него все еще смотрели. Но во взглядах не было божественного презрения. Только холодное, практичное предупреждение. «Я вижу тебя. Не трогай меня, и я не трону тебя». Это было почти дружелюбно.

Трактир «Сломанное Перо» вонял кислым пивом, жареным луком и безысходностью. Вывеска над дверью, когда-то бывшая живым деревом, давно умерла, ссохлась и теперь скрипела на ветру, роняя труху. Ксаль толкнул тяжелую дубовую дверь.

Внутри царил полумрак, разрезаемый лишь светом дешевых магических светляков, запертых в банках из мутного стекла. За грубыми столами сидела пестрая публика. В углу двое людей в ржавых кольчугах резались в кости, яростно шепча проклятия. У стойки, обняв кружку с чем-то густым и зеленым, дремал гном с бородой, в которой запутались опилки. За дальним столиком сидела компания эльфов, но это были не лорды с Проспекта. Их одежда была потертой, в волосах виднелась дорожная грязь, а взгляды были тяжелыми и пустыми. Изгнанники. Те, кто нарушил волю Великого Древа.

Ксаль подошел к стойке. За ней протирал стакан — настоящий, стеклянный, грубую человеческую поделку — трактирщик. Полуэльф. Его острые уши были изуродованы шрамами, а левая половина лица представляла собой маску из переплетенных древесных наростов — магическая болезнь или проклятие, которое эльфы не пожелали исцелять.

— Комната, — сказал Ксаль, кладя на стойку серебряную монету. — На три ночи. Еда. Горячая. Без твоего мнения о моем запахе.

Полуэльф накрыл монету своей узловатой рукой. Его глаза, один нормальный, карий, а второй — сплошной, черный зрачок без радужки, внимательно осмотрели Ксаль с головы до ног. — Третий этаж. Лестница в конце зала. Комната три. — Он кивнул на дверь за своей спиной. — Там нет окна. Зато нет и сквозняков от водопада. Ужин будет через час. Тушеное мясо. Крысиное, если тебе интересно. — Мне не интересно, — ответил Ксаль. — Главное, чтобы оно было мертвым.

Он забрал ключ — тяжелый, железный, что само по себе было оскорблением для эльфийской эстетики, где ключи должны быть из лунного света — и поднялся по лестнице. Ступени скрипели. Перила были липкими.

Комната три оказалась каморкой три на четыре шага. Голые каменные стены, узкая койка с тюфяком, от которого несло псиной и плесенью, и медная плошка для умывания. Потолка, по сути, не было — только скальный свод. Но здесь было тихо. Песня Аэль Тириэна сюда почти не долетала, вязнув в камне и воня дешевой стряпни.

Ксаль запер дверь на тяжелый засов. Подошел к койке, сел. Пружины издали жалобный стон. Он стянул с головы капюшон, позволив волосам — черным, с редкой, преждевременной сединой на висках — упасть на лицо.

Он закрыл глаза.

Краснота его глаз была не просто цветом. Это была открытая рана. Демоническая кровь в его жилах не давала ему колдовать в привычном понимании — швыряться огненными шарами или призывать молнии. Она действовала иначе. Она была якорем. Там, где эльф касался магии мира, как касаются любимой женщины — нежно, трепетно, прося о благословении — Ксаль мог только рвать. Его сила была паразитической. Чтобы исцелить порез на своей руке, ему нужно было забрать жизнь у чего-то другого. Чтобы погасить боль, он должен был причинить вдвое большую боль миру вокруг.

Долгие годы он пытался это контролировать. Он научился выживать, не убивая. Научился быть тенью. Но его глаза всегда говорили правду. И мир отвечал ему ненавистью.

Он просидел так, вслушиваясь в шум трактира внизу, около получаса. Затем встал, подошел к двери и снял засов. Ему нужно было поесть. И ему нужно было узнать, зачем он здесь.

Спустившись вниз, он занял самый темный угол, подальше от людей и эльфов. Трактирщик — его звали Граш, как успел услышать Ксаль — принес ему деревянную миску. В ней плавало нечто серое в мутной жиже. Ксаль взял деревянную ложку и начал есть. Еда была отвратительной, пресной, но горячей. С каждым глотком пустота в желудке отступала, сменяясь свинцовой тяжестью.

Внезапно песня города изменилась.

Это случилось мгновенно. Гул водопадов не прервался, но в него вплелась новая нота. Низкая, вибрирующая, от которой заныли зубы. Магический светляк в банке над головой Ксаль мигнул и погас. Разговоры в трактире стихли. Гном у стойки проснулся и начал озираться. Даже люди в ржавых кольчугах перестали трясти стаканчик с костями.

Ксаль замер, не донеся ложку до рта.

Он знал это ощущение. Холод, который не имел ничего общего с температурой воздуха. Ощущение взгляда в спину, когда за спиной никого нет. Древняя, первобытная тень легла на Шепчущие Тени.

В дверях трактира стояла фигура.

Она не вошла — она просто оказалась внутри, и воздух стал плотным, как вода. Это был эльф, но он не принадлежал к расе, которую знал Ксаль. Его кожа была не молочно-белой, а цвета пепла. Глубокого, холодного пепла погребального костра. Волосы, черные как обсидиан, не струились, а казались выточенными из камня. Он был одет в доспех, который выглядел как часть его тела — черные костяные пластины, растущие прямо из ключиц.

Но страшнее всего были его глаза. В них не было белков. Только два провала в абсолютную, космическую тьму, в которой медленно вращались осколки разбитых звезд.

Эльф из Шепчущих Теней, сидевший ближе всех к двери, попытался вскочить, но его тело словно обратилось в камень. Он рухнул обратно на лавку с деревянным стуком, его глаза были полны животного ужаса.

Пепельный эльф медленно обвел взглядом трактир. Его взгляд не задерживался ни на людях, ни на гноме. Он скользил по лицам, словно считывая их души, и отбрасывал их как ненужный мусор. Наконец, его бездна остановилась на Ксале.

Ксаль почувствовал, как его демоническая кровь вскипает. Каждая клетка его тела закричала об опасности. Это было не просто могущественное существо. Это была Бездна, принявшая форму.

Пепельный эльф сделал шаг. Пол под его ногами не скрипнул. Он подошел к столу Ксалья и остановился, нависая над ним. От него пахло озоном, старой кровью и пылью забытых миров.

— Выйдем, — сказал он.

Его голос не был звуком. Он возник прямо в черепе Ксалья, минуя уши. В этом голосе не было ни угрозы, ни приказа. В нем была лишь абсолютная, неизбежная констатация факта. Как «солнце взойдет» или «камень упадет».

Ксаль медленно положил ложку в миску. Он посмотрел в черные провалы глаз эльфа. Внутри него все сжалось в тугий узел. Инстинкт, отточенный десятилетиями побегов, требовал одного — вскочить, выхватить меч, прыгнуть в окно, раствориться в ночи. Любой город — это лабиринт. Любой лабиринт можно обмануть.

Но красные глаза Ксалья на секунду полыхнули ярче.

Он был сыт по горло. Сыт по горло косыми взглядами, шепотом, брошенным в пыль хлебом и трактирами, воняющими крысами. Он бежал от своей природы половину вечности, пытаясь стать ничем, лишь бы перворожденные оставили его в покое.

Он медленно поднялся из-за стола. Его движение было плавным, но в нем чувствовалась стальная пружина. Он был на голову ниже пепельного эльфа, но сейчас, в полумраке «Сломанного Пера», он не казался меньше.

— Я не заказывал десерт, — тихо сказал Ксаль на Общем языке, глядя прямо в бездну.

Уголок губ пепельного эльфа едва заметно дернулся. Это нельзя было назвать улыбкой. Это было признание. — Ты заказал гораздо большее, демон. Ты пришел в Аэль'Тириэн. А этот город... он всегда ненавидит тех, кто ему нужен.

Эльф развернулся. Его доспехи издали тихий шелест, похожий на осыпающийся песок. Он пошел к выходу.

Ксаль посмотрел на свою недоеденную похлебку, на свои грязные сапоги, на тяжелую дверь трактира. Он подумал о мягкой постели в комнате с плесенью, о трех серебряных монетах, оставшихся в кошельке. О своей мечте — просто исчезнуть. Раствориться в каком-нибудь человеческом порту, наняться на гнилое судно и гнить там до конца дней, никому не нужный и не видимый.

Он глубоко вздохнул, втягивая запахи кислого пива и страха.

— Чтоб вы все провалились в Бездну вместе со своим городом, — прошептал он.

И пошел следом за пепельным эльфом в ночь, которая теперь принадлежала не Аэль'Тириэну, а чему-то гораздо более древнему и голодному.

Ночной Аэль’Тириэн был еще более невыносим. Песня города не утихла, но теперь в ней слышалась фальшь. Величественная симфония дала трещину, и сквозь нее прорывался диссонирующий, режущий визг. Магия перворожденных, обычно послушная и ласковая, сейчас корчилась в агонии. Живые мосты из ветвей судорожно подергивались, сбрасывая капли росы, похожие на слезы. Хрустальные шпильки издавали тихий, тревожный звон.

Пепельный эльф шел по Проспекту Тысячи Огней. Огни — живые цветы-фонари, вьющиеся по стенам — при его приближении съеживались, их золотое сияние меркло, сменяясь болезненным, трупным багрянцем. Прохожие, еще недавно смотревшие на Ксаль с брезгливостью, теперь вжимались в стены, становясь частью теней. Эльфы замирали, роняя свои свитки и бокалы с лунным вином. Их идеальные лица искажались первобытным ужасом. Они знали, кто это. Или, точнее, их древняя, генетическая память вопила об опасности, которую невозможно победить ни стрелами, ни магией.

Ксаль шел в трех шагах позади. Он больше не прятал глаза. Он сканировал пространство. Искажение магии было настолько плотным, что его можно было резать ножом. Демоническое чутье рисовало вокруг пепельного эльфа ауру абсолютного нуля. Он не излучал угрозу, он излучал пустоту. Вакуум, который втягивал в себя саму реальность.

Они миновали район Шепчущих Теней, даже не взглянув на «Сломанное Перо», и углубились в часть города, которой не было на картах для туристов. Здесь архитектура теряла свою воздушность. Корни древних деревьев, переплетаясь, образовывали нечто похожее на ребра гигантского левиафана. Стены здесь были покрыты не мягким мхом, а черным, глянцевым лишайником, который пульсировал в такт сердцебиению земли.

Эльфы закончились. Исчезли даже полукровки. Здесь обитали только тени. Ксаль чувствовал на себе десятки взглядов из темных провалов в скалах, но эти взгляды были иными — любопытными, оценивающими. Наемники. Убийцы. Те, кто живет на самом дне пищевой цепи.

Пепельный эльф вывел его к огромной пещере, вход в которую был занавешен корнями, с которых капала не вода, а густая, светящаяся желчь. — Входи, — прозвучал голос в голове Ксаль.

Ксаль откинул тяжелый корень и шагнул внутрь.

Внутри пахло озоном, раскаленным металлом и чем-то сладковатым, похожим на запах гниющих цветов. Пещера оказалась огромным гротом, свод которого терялся во тьме. Но тьмы не было. Грот освещался пульсирующим светом, исходящим от самого пола. Весь пол был выложен черепами. Тысячами черепов. Человеческими, эльфийскими, гномьими, орочьими и такими, которым Ксаль не мог дать названия — с тремя глазницами и костяными гребнями. Все они светились изнутри тусклым, багровым огнем.

В центре грота, на возвышении из черного обсидиана, стоял еще один эльф. В отличие от Пепельного, этот был облачен в мантию из паутины, которая, казалось, была сплетена из самой ночи. Его лицо было совершенным, пугающе красивым, но абсолютно лишенным эмоций, как у мраморной статуи.

— Ты привел его, Малек, — сказал Мраморный, и его голос прозвучал уже вслух — сухой, шелестящий, как перекачивание песка в часах.

Пепельный — Малек — коротко кивнул. — Он сопротивлялся. Но пришел. У него есть гордость. Это полезная трещина в броне.

Ксаль медленно обвел взглядом пещеру. Его правая рука легла на рукоять меча. Пальцы не сжимали ее, просто лежали — предупреждение. — Если это экскурсия в местный музей анатомии, — произнес Ксаль, кивая на светящиеся черепа, — то я пас. Предпочитаю живую компанию.

Мраморный эльф медленно повернул голову. Его движение было механическим, неестественным для гибкого тела перворожденного. Его глаза были закрыты серебряной повязкой. — Ты не в том положении, чтобы торговаться, Ксаль из Ниоткуда.

Ксаль напрягся. — Я не помню, чтобы представлялся. — Нам не нужно твое представление, — шелестнул Мраморный. — Твоя кровь кричит громче любого имени. Мы знаем, кто ты. Полукровка. Ошибка союза суккуба и отчаявшегося чернокнижника. Плод насилия и слабости.

Малек за спиной Ксаля издал тихий звук, похожий на скрежет камня.

— Ты пришел в Аэль'Тириэн, — продолжил Мраморный, делая шаг вперед. Обсидиан под его ногами не плавился, но покрывался инеем. — Зачем? Люди бегут из нашего леса, а не в него. Демоны тем более. Твой народ, Ксаль, обычно предпочитает жаркие пустоши, где можно безнаказанно жечь деревни. Что привело тебя в город, который тебя ненавидит?

— Ошибка навигации, — огрызнулся Ксаль. — И дешевое пиво. Я ищу тишины. Вы, ребята, звучите слишком громко.

Мраморный эльф улыбнулся. Это было страшное зрелище — идеальные губы разошлись, обнажив зубы, которые были острыми и черными, как у акулы. — Тишины? — переспросил он. — Ты стоишь в самом сердце бури, демон, и просишь закрыть окно, чтобы не дуло.

Он поднял руку. На его ладони лежал предмет, который заставил Ксаля забыть о мече. Это был кристалл размером с кулак, но он не имел граней. Он выглядел как кусок застывшего, абсолютно черного пространства, в котором билась живая, багровая искра.

— Ты чувствуешь это? — спросил Мраморный. — Чувствуешь, как дрожит Древо? Как плачет магия мира?

Ксаль чувствовал. С того момента, как вошел в город. Но сейчас, видя кристалл, он понял источник. Багровая искра внутри камня пульсировала в ритме, идентичном пульсации в его собственных венах. Демоническая сущность внутри него потянулась к кристаллу, как мотылек к пламени, вызывая во рту металлический привкус крови.

— Это Осколок Падения, — сказал Малек. Его голос впервые прозвучал вслух, и он был похож на обвал в горах. — Кусок темницы Древних Богов. Тот, кто его создал, ошибся. Замок дал трещину.

— Очень познавательно, — процедил Ксаль. — Я не священник. Исповедоваться не буду. — От тебя не требуется покаяние, — Мраморный сжал кристалл в кулаке. Багровая искра на секунду вспыхнула, залив пещеру светом, от которого светящиеся черепа застонали. — От тебя требуется работа.

— Я не беру заказы у говорящей мебели. — Ты возьмешь этот, — отрезал Мраморный. — Потому что мы — единственная причина, по которой ты еще дышишь.

Он разжал кулак. Кристалл завис в воздухе. — В Аэль'Тириэн идет Охотник, — произнес Мраморный. — Настоящий. Не те вырожденцы, что охотятся на контрабандистов ради забавы. Тот, кого называют Пожирателем Корней. Он идет за этим Осколком. И когда он придет, твой дешевый трактир, твои три серебряные монеты и твоя мечта о тишине превратятся в пепел. Пожиратель не смотрит на цвет глаз. Он пожирает саму материю. Аэль'Тириэн падет через три дня. Вместе с ним падут и человеческие королевства на севере. Будет только Пепел. Такой, как Малек.

Малек стоял неподвижно, и его пепельная кожа, казалось, сливалась с тенями.

— А я тут при чем? — спросил Ксаль. — Продавайте свои стекляшки кому-нибудь другому. Я не герой. Я даже не хороший человек. — Ты — демон, — сказал Мраморный. — А демоны — лучшие сторожевые псы во вселенной. Вы ненавидите порядок. Вы ненавидите свет. Пожиратель Корней — это абсолютный порядок. Он сожрет твою хаотичную кровь, Ксаль, даже не заметив. Но если ты встанешь на его пути... если ты защитишь этот Осколок... ты будешь драться с яростью загнанной в угол крысы.

Мраморный сделал пасс рукой. Из теней за его спиной выступила четвертая фигура. Ксаль инстинктивно отшатнулся, выхватывая меч. Лезвие со свистом рассекло воздух.

Фигура была закутана в рваные бинты, с которых капала густая, черная смола. Она пахла разложением и старыми библиотеками. Но когда она подняла голову, Ксаль увидел свое лицо. Те же черты. Тот же разрез глаз. Та же линия челюсти, выдающая упрямый, жестокий характер. Отличие было только в глазах. У этой копии они были не красными. Они были пустыми белыми бельмами, из которых непрерывно текла вязкая, светящаяся жидкость.

— Это то, чем ты станешь, если откажешься, — сказал Мраморный. — Пустой. Сосуд, который мы вывернем наизнанку, чтобы найти способ закрыть разлом без твоей помощи. Процесс будет... неприятным. И долгим. У тебя сильная воля. Ты будешь кричать месяц.

Ксаль смотрел на свою копию. На существо, в котором не было ничего, кроме бесконечной, всепоглощающей боли. Его демоническая кровь билась в висках, требуя атаковать, разорвать горло этому мраморному ублюдку. Но разум, холодный и расчетливый, кричал об обратном.

Он вложил меч в ножны. Звук металла о кожу показался в пещере оглушительным выстрелом. — Вы не понимаете, с кем говорите, — тихо сказал Ксаль, глядя прямо в серебряную повязку Мраморного. — Я не пес. И я не герой. Если я соглашусь, я делаю это не ради вашего гнилого леса. Я делаю это потому, что я — Ксаль. И я решаю, когда мне умирать.

Мраморный эльф медленно кивнул. — Справедливый торг.

Он протянул руку. На его ладони, рядом с черным кристаллом, лежал маленький серебряный медальон в виде разорванного круга. — Носи это. Пожиратель чует твою кровь за мили. Это скроет тебя. До поры.

Ксаль подошел. Его рука, потянувшаяся за медальоном, слегка дрожала. Не от страха. От ярости. Он взял холодный металл. Как только его пальцы коснулись серебра, демоническая метка на его ауре вспыхнула и погасла, словно задутый ветерком огонь. Он исчез. Для магии мира Ксаль стал просто уставшим человеком с грязными сапогами.

— Три дня, — сказал Мраморный. — Охотник придет к Корням Мира, под самый фундамент города. Там, где Древо пьет кровь земли. Будь там. Защищай Осколок. — А если я сбегу? — спросил Ксаль, сжимая медальон в кулаке так, что серебро впилось в кожу. — Мы найдем тебя, — прошепел Мраморный. — И покажем тебе вторую часть экскурсии. Ту, где ты становишься частью пола.

Малек шагнул к выходу, кивком приказывая следовать за ним. Копия Ксаля из смолы и бинтов растворилась в воздухе, оставив после себя лишь запах озона.

Ксаль вышел из пещеры последним. Он остановился на краю обрыва, глядя на спящий, величественный Аэль'Тириэн. Город снова пел свою красивую, лживую песню. Мраморный и Малек исчезли, не прощаясь.

Ксаль разжал кулак. Серебряный медальон холодил ладонь. Он посмотрел на свои красные глаза, отразившиеся в гладкой поверхности металла.

— Город, который меня ненавидит, — прошептал он в ночь. — Теперь у меня есть три дня, чтобы полюбить его в ответ. Достаточно сильно, чтобы вспороть брюхо тому, кто придет его жрать.

Он спрятал медальон под рубашу, прямо на кожу, где он тут же нагрелся, сливаясь с телом. Затем поправил перевязь меча и начал долгий спуск по скале вниз, в лабиринт Шепчущих Теней. Ему нужно было выспаться. Завтра предстояло много работы. Работа, которая начиналась с того, чтобы перестать быть тенью и снова стать тем, кого все боятся.

Трактир «Сломанное Перо» встретил его привычной вонью. Ксаль прошел мимо стойки, проигнорировав удивленный взгляд полуэльфа Граша — видимо, тот уже списал постояльца в расход. Поднялся в свою каморку. Он сел на край койки, с которой взметнулось облачко пыли.

Сунул руку под матрас и достал оттуда то, что берег на самый крайний случай. Не золото. Не кинжал.

Старая, потрескавшаяся колода карт. Ксаль медленно, один за другим, выложил их на колени. Карты были липкими от пролитого эля и засохшей крови. Он смотрел на них, и красные глаза в полумраке комнаты светились, как угли. Мраморный думал, что купил цепного пса. Ксаль усмехнулся. Они оба забыли, что у демонов всегда крапленая колода.

Глава 2. Эль и презрение

Сон не шел.

Ксаль лежал на узкой койке в комнате три, закинув руки за голову, и смотрел в темноту. Серебряный медальон охлаждал грудь, словно кусок льда. Он действительно работал — Ксаль чувствовал это собственной кровью. Та часть его естества, что всегда тлела багровым углем под кожей, сейчас была плотно укутана в кокон фальшивой, искусственной тишины. Если бы он сейчас спустился к магам-целителям Проспекта Тысячи Огней, они бы увидели перед собой обычного, изможденного человека. Уставшего наемника с дурными манерами.

Но медальон не лечил. Он лишь скрывал симптомы. Демоническая сущность внутри ворочалась, злилась на это удушающее серебро и требовала выпустить ее наружу. Она хотела рвать, жечь и пить страх. Вместо этого Ксаль заставил ее жевать тушеную крысятину и слушать, как по каменному подоконнику скребет хвостом какая-то многоножка.

Спускаться вниз, в общий зал «Сломанного Пера», не хотелось. Но желудок сводило от голода, а фляга с водой опустела еще вчера. Кроме того, сидеть в четырех стенах, пропахших плесенью, было невыносимо. Тишина в этой комнате была слишком густой, она давила на виски, заставляя вспоминать пещеру с черепами и пустые белые бельма собственного двойника.

Ксаль спустился по скрипучей лестнице.

Внизу ничего не изменилось, кроме количества пьяных. Гном с опилками в бороде все так же обнимал кружку, но теперь он храпел, и из его рта капала зеленая пена. Люди в ржавых кольчугах проиграли свои кости и теперь мрачно чистили кинжалы, бросая взгляды на единственную девицу облегченного поведения, дремавшую на коленях у одного из изгнанников.

Ксаль занял тот же угол, что и вчера. Он сел спиной к стене, лицом к двери, и жестом подозвал трактирщика.

Граш, хромая сильнее обычного, подошел к его столику. Его лицо-маска из древесных наростов не выражало ничего, но единственный нормальный глаз смотрел с усталой, собачьей тоской. — Снова крыс? — прохрипел полуэльф. — Если это крыса, я хочу, чтобы она умерла от старости, — ответил Ксаль. — И принеси эля. самого дешевого. Но в чистой кружке. Я плачу.

Граш молча кивнул. Он знал, что спорить бесполезно. Ксаль всегда платил. Он был, пожалуй, единственным клиентом в этом заведении, который платил не только за еду, но и за право сидеть в тишине, не вступая в разговоры.

Эль оказался густым, темным и горьким, с отчетливым привкусом жженных желудей. Ксаль сделал глоток, подержал жидкость во рту, смывая металлический привкус страха, оставшийся после визита к Мраморному, и проглотил. Тепло медленно поползло по пищеводу.

Он сидел так около часа. Он не пил залпом, не требовал добавки. Он просто смотрел в кружку, позволяя дешевому пойлу делать свою работу — притуплять остроту восприятия. Медальон на груди пульсировал в такт его сердцу, и эта пульсация успокаивала. Пока он на месте, он невидимка. Пока он невидимка, он в безопасности.

Дверь трактира с грохотом распахнулась, ударившись о стену.

В «Сломанное Перо» ввалилась компания. Трое. Высокие, даже в своих потрепанных дорожных плащах сохраняющие ту надменную осанку, которая отличает лордов от простолюдинов. Их волосы были не белоснежными, как у аристократии Проспекта, а цвета старой кости, сальными прядями спадающие на плечи. Кожа, хоть и бледная, имела нездоровый, землистый оттенок — признак дурной крови или долгого пребывания в нижних ярусах города, где магия Древа едва теплится.

Они были пьяны. Не весело, не разухабисто, а тяжело, злобно. Так пьянеют те, кто топит в алкоголе не горе, а собственную ничтожность.

— Граш! — рывкнул один из них, тот, что шел впереди. Его лицо пересекал старый шрам, стянувший уголок рта в вечную кривую ухмылку. — Тащи свое лучшее пойло. Если ты называешь эту мочу, — он пнул ногой бочонок у стойки, — лучшим, то я хочу видеть худшее. Хочу убедиться, что дно вообще существует.

Гном у стойки что-то недовольно пробурчал во сне, но не проснулся. Люди с кинжалами напряглись, их руки замерли на рукоятках. Они знали эту породу. Эльфийская золотая молодежь, спустившаяся в трущобы в поисках «настоящей грязи». Обычно такие вылазки заканчивались сломанными ребрами для местных и скукой для гостей.

Граш молча поплелся к бочкам.

Трое эльфов оглядели зал. Их взгляды скользнули по гному, по людям, по девице, задержались на Ксале и пошли дальше. Но затем главный — тот, со шрамом, которого собутыльники называли Риланом — резко остановил взгляд.

Он прищурился. Сделал шаг в сторону от своих друзей, вглядываясь в полумрак угла. — Пойдите, — его голос стал тише, в нем прорезался охотничий азарт. — Я знаю эти глаза.

Ксаль не пошевелился. Он медленно поставил кружку на стол. Его плечи расслабились. Это была старая, знакомая игра. Инстинкт кричал: «Встань. Уйди через черный ход. Сбрось медальон, сожги их и беги». Но разум, холодный и тяжелый, как свинец, приказал: «Сидеть. Ты носишь медальон. Для них ты просто грязный человек. Не давай им повода».

— Клянусь Древом, — Рилан подошел ближе, расталкивая стулья. — Это же та самая дворяшка. С глазами дохлого осьминога.

Двое его спутников оживились. Они переглянулись и двинулись следом, хищно улыбаясь.

— Ты заблудился, мясо? — спросил второй, высокий и тощий, с руками, покрытыми ритуальными порезами. — Проспект в другой стороне. Или ты пришел предложить свои услуги? Говорят, суккубы любят красный цвет. Может, ты ищешь папочку?

Компания за соседним столом — двое изгнанников — синхронно отодвинула свои кружки, освобождая пространство. Они не хотели видеть этого. Вмешательство в развлечения скучающих лордов в Шепчущих Тенях каралось быстро и показательно. Обычно в виде утопления в сточном канале.

Ксаль медленно поднял глаза. Он посмотрел на Рилана. Прямо в его зрачки. Он не пытался давить волей, не пытался использовать свою демоническую ауру — медальон глушил ее. Он просто смотрел. Взглядом человека, который считает мух на стене.

Это взбесило эльфа больше, чем любая дерзость. — Ты оглох, падаль? — Рилан схватил Ксаль за ворот потрепанного плаща и рывком поднял его со стула.

Стул с грохотом опрокинулся. Гном у стойки всхрипнул и затих. Люди с кинжалами сделали вид, что крайне увлечены полировкой лезвий.

Ксаль не сопротивлялся. Он позволил поднять себя в воздух. Его ноги едва касались пола. Он был тяжелее эльфа, плотнее сбит, но перворожденные обладали силой, не соразмерной их изящному телосложению. — Я просто пью, — ровно сказал Ксаль. Его голос прозвучал в наступившей тишине неожиданно громко. — Своим я не мешаю. Тебе тоже не мешаю. Поставь меня на место.

— Своим? — расхохотался третий эльф, коренастый, с перебитым носом. — Ты посмотри на него, Рилан! Он думает, что он «свой»! Он думает, что если наденет человеческие обноски, то вонь Бездны перестанет сочиться из его пор!

Рилан встряхнул Ксаль. — Ты оскорбляешь этот лес одним своим дыханием. Почему Древо до сих пор не выжгло тебя? Где твоя гордость, демон? Почему ты не сдох в канаве, как положено ублюдкам?

Ксаль медленно поднял руку. Не к мечу. Он просто положил ладонь на запястье Рилана, которое сжимало его ворот. Хватка эльфа была крепкой, пальцы впивались в ключицу. — У меня был тяжелый день, — тихо, почти ласково произнес Ксаль. — Я очень устал. Если ты не

отпустишь меня сейчас, я тоже устану от тебя. А когда я устаю, я становлюсь неловким. Могу случайно сломать тебе руку. Или проткнуть чем-нибудь. Это испортит твой прекрасный плащ. Иди к своим друзьям. Пейте. Смейтесь. Делайте вид, что вы все еще хозяева этого мира. Но не трогай меня.

Угроза, лишенная крика, лишенная ярости, прозвучала страшнее любого рыка. Рилан на секунду опешил. Он ожидал страха. Ожидал ответной злобы, которую можно было бы поджечь до пожара. Но в глазах Ксаля была лишь пустота. Пустота глубокого колодца, на дне которого спит нечто древнее и голодное.

— Он угрожает мне, — прошипел Рилан, обращаясь к своим. Его лицо налилось дурной кровью. — Эта грязь смеет мне угрожать! — Он просто пугает, — отмахнулся тощий. — Смотри, у него даже руки трясутся. От страха.

Рилан зарычал. Он отпустил ворот Ксаля и замахнулся. Удар был быстрым, отработанным — костяшками пальцев по виску, чтобы оглушить, унижить, заставить захлебнуться собственной кровью.

Ксаль не стал блокировать. Он качнулся в сторону, пропуская удар в дюйме от своего лица. Движение было плавным, текучим, почти танцевальным. Он даже не сбил дыхание.

Это взорвало Рилана. — Держите его! — рявкнул он.

Тощий и Коренастый бросились вперед.

Ксаль вздохнул. Он шагнул в сторону, уходя с линии атаки, и резко ударил локтем назад. Удар пришелся Коренастому точно в солнечное сплетение. Тот не успел даже вскрикнуть — воздух выбило из его легких, и он сложился пополам, рухнув на грязный пол и увлекая за собой соседний стол.

Тощий попытался зайти сбоку, занося кинжал. Ксаль не стал выхватывать свой меч. Меч — это убийство. А убийство в Шепчущих Тенях без разрешения местных заправил означало, что следующей ночью тебя найдут в реке с ногами, залитыми свинцом.

Ксаль перехватил руку Тощего, когда тот нанес колющий удар. Он не стал блокировать лезвие — он просто повернул кисть эльфа, используя его же инерцию. Кинжал вошел в деревянную столешницу по самую рукоять. Прежде чем Тощий успел понять, что произошло, Ксаль ударил его основанием ладони в нос. Хрустнуло. Эльф отлетел назад, зажимая лицо, из которого хлынула серебристая, светящаяся в полумраке кровь.

В зале повисла мертвая тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием Коренастого и скулежом Тощего.

Рилан остался один. Он стоял в пяти шагах от Ксаля, его грудь тяжело вздымалась. Он смотрел на то, как легко, почти играючи, этот «грязнокровка» расправился с двумя его спутниками. — Ты... ты заплатишь за это, — выдохнул Рилан, его рука метнулась к поясу, где висел тонкий, изогнутый клинок из эльфийской стали. — Я вырежу твои глаза и скормлю их воронам.

Ксаль медленно повернулся к нему. Он стоял расслабленно, руки опущены. Он не принимал боевую стойку. Он просто ждал.

В этот момент скрипнула дверь, ведущая на лестницу.

На верхней ступени стояла она.

Свет от магической мухи на потолке упал на ее лицо, и зал, казалось, на мгновение перестал вонять.

Ее звали Селария. Ксаль видел ее вчера. Она сидела в самом дальнем углу, одна, и пила воду. Она не была похожа на завсегдатаев «Сломанного Пера». Ее волосы, цвета расплавленной меди, были заплетены в тугую, строгую косу, но несколько прядей выбились и прилипли к бледному лбу. На ней было платье из темно-зеленого сукна — простого, но сшитого по фигуре так, как умеют только портные из Верхнего Города. Платье было потертым на локтях, а подол

покрывала дорожная пыль. Аристократка, у которой закончились деньги, но не закончилось воспитание.

Сейчас ее глаза — огромные, цвета старого янтаря, в котором застыла вековая тоска — горели ледяным огнем.

— Хватит, — ее голос прозвучал негромко, но он разрезал тишину трактира, как стекло.

Рилан замер с занесенным клинком. Он медленно повернул голову к ней. — Селария? — в его голосе промелькнуло удивление, сменившееся гадкой усмешкой. — А, защитница убогих. Пришел твой час, пташка. Иди сюда, я научу тебя, как правильно ублажать низшие расы.

Селария не удостоила его ответом. Она начала спускаться по лестнице. Ее шаги были твердыми, деревянными. Она не смотрела на Рилана. Она смотрела на Ксаля.

Ее взгляд прошел сквозь него, оценивая, сканируя. Она видела не его красные глаза — она видела то, как он двигался. Экономность жестов. Отсутствие лишних движений. То, как он дышал. Она видела солдата. Убийцу. Профессионала, который только что пощадил троих идиотов, хотя мог превратить их в анатомические пособия за три удара сердца.

Она подошла к столику Ксаля. Не к нему самому, а к опрокинутому стулу. Она подняла его, смахнула невидимую пыль и поставила ровно. Затем она села. Достала из складок платья свою кружку — простую, глиняную — и сделала глоток воды.

— Сядь, — бросила она Ксалю, не поворачивая головы. — Твой эль, наверное, уже согрелся.

Ксаль моргнул. Он посмотрел на Рилана. Тот стоял с открытым ртом, его клинок медленно опускался. Он смотрел на Селарию так, словно она выросла второй головой. — Ты... ты защищаешь это? — прошипел Рилан. — Эту тьму? Он же демонов выкормыш! Его мать должна была вырвать его из чрева зубами!

Селария медленно повернула голову. Она посмотрела на Рилана. В ее янтарных глазах не было страха. Только бесконечное, всепоглощающее презрение. — Я защищаю тишину, Рилан, — произнесла она. — А ты ее нарушаешь. Ты и твои пустые дружки. Вы спустились сюда не за грязью. Вы спустились сюда, потому что на Проспекте ваши отцы перестали давать вам деньги на опиум, а шлюхи смеются над вашими гнилыми зубами. Вы ищете того, кто слабее, чтобы почувствовать себя живыми.

Она перевела взгляд на Тощего, который все еще сидел на полу, зажимая разбитый нос. — Посмотри на него. Посмотри на свои руки. Вы принесли сюда свою скуку, как другие приносят чуму. Вы позорите наш род.

— Наш род? — Рилан дернулся, его лицо исказилось. — Ты — дочь банкрота, Селария! Твои земли отобрали за долги! Ты живешь в клоповнике на окраине! Ты никто, чтобы читать мне мораль! А это... — он ткнул клинком в сторону Ксаля. — Это ошибка природы! Его нужно сжечь!

— Если бы природа хотела его сжечь, она бы это сделала, — Селария сделала еще один глоток воды. — Она сделала его таким. Значит, он зачем-то нужен. В отличие от тебя. Ты бесполезен, Рилан. Ты пуст. И твоя сталь пуста. Опusti ее, пока я не приказала Грашу вылить тебе на голову котел кипятка.

Рилан задохнулся от ярости. Его лицо пошло пятнами. Он был пьян, унижен перед своими прихлебателями и, что самое страшное, публично растоптан женщиной, которую он когда-то, возможно, считал ровней. — Ты смеешь... — начал он, делая шаг к ней. — Ты смеешь мне указывать, падаль?

Ксаль вздохнул.

Это был вздох человека, который очень хочет спать, но понимает, что перед этим придется поработать.

Он обошел стол и встал между Риланом и Селарией.

Рилан замер. Он смотрел на широкую спину Ксаля, на его плечи, перекрывшие весь проход. — Отойди, — процедил эльф. — Это не твое дело, мясо. Женщина забыла свое место. — Твое место — в сточной канаве, — ровно ответил Ксаль, не оборачиваясь. — Иди туда. Твои друзья проводят.

Он протянул руку назад, не глядя. Селария, помедлив секунду, вложила в его ладонь свою глиняную кружку. Ксаль поставил ее на уцелевший край стола.

— Я не хочу тебя убивать, — сказал Ксаль Рилану. — Я не хочу пачкать этот и без того грязный пол твоей кровью. Уходи. Это последний раз, когда я говорю вежливо.

Рилан посмотрел на своих спутников. Коренастый все еще пытался вдохнуть. Тощий размазывал светящуюся кровь по лицу, его глаза были полны слез и ненависти. Численное превосходство таяло.

— Мы еще встретимся, — прошипел Рилан, пятясь к двери. — Твоя защита, сучка, не вечна. А твое мясо, демон, отлично горит.

Он развернулся и толкнул дверь плечом. Его дружки, пошатываясь, побрели следом. Коренастый бросил на Ксаля полный бессильной злобы взгляд.

Дверь захлопнулась. В трактире снова стало слышно, как храпит гном и как капает вода из прохудившейся бочки.

Ксаль стоял посреди зала, тяжело дыша. Не от усталости. От адреналина. Медальон на груди раскалился — он сдерживал рвущуюся наружу ярость, и теперь эта ярость требовала выхода. Руки подрагивали.

Он медленно повернулся. Селария сидела за столом, сложив руки на коленях. Она смотрела на него. В ее взгляде не было благодарности. Было любопытство. Как смотрит ученый на редкое насекомое, которое только что ужалilo его в палец, но оказалось слишком красивым, чтобы его давить.

— Садись, — повторила она. На этот раз это был не приказ. Предложение.

Ксаль посмотрел на опрокинутый стул, на разбитый нос Тощего, на Коренастого, лежащего в собственной блевотине. Он посмотрел на свои руки. На свои красные глаза, которые сейчас, должно быть, светились в полумраке, как угли.

Он медленно подошел к столу. Поднял свой стул, сел. Взял свою кружку с элем. Руки все еще дрожали. Он сделал большой глоток. Горький вкус показался ему сейчас слаще меда.

— Зачем? — спросил он. Его голос был хриплым.

— Мне было скучно, — просто ответила Селария. — А ты... ты не такой, как они.

— Я убил бы их, — сказал Ксаль. — Если бы не медальон. Если бы не твой хозяин с его Осколком, я бы выжег им глаза прямо здесь. И тебе бы тоже досталось, за компанию. Я не герой. Я даже не хороший человек.

— Я заметила, — она слабо улыбнулась уголком губ. — Ты двигаешься как тень, Ксаль. Как нечто, что не должно существовать при солнечном свете. Но ты не ударил первым.

— Я устал, — признался он, глядя в кружку. — Я смертельно устал от того, что каждый встречный считает своим долгом плюнуть мне в лицо, чтобы проверить, не растворюсь ли я. Я просто хотел выпить свой эль.

— В Шепчущих Тенях эль пьют только для того, чтобы забыться, — она кивнула на гнома. — Или для того, чтобы набраться смелости перед тем, как зарезать соседа. Ты пил, чтобы успокоиться.

Она протянула руку и взяла свою кружку с водой. Ее пальцы были длинными, тонкими, но на подушечках виднелись мозоли от тетивы лука. — Они идиоты, — сказала она тише. — Золотая молодежь. Их отцы — капитаны Стражи Древа, хранители порталов. Но сами они — пустота. Они ненавидят таких, как ты, потому что вы — напоминание о том, что мир больше, чем их золотые клетки. Вы — хаос. А они боятся хаоса до мокрых штанов.

— А ты? — спросил Ксаль. — Ты не боишься? Ты села за стол с демоном.

— Я сидела за столом с человеком, который только что раскидал троих вооруженных перворожденных, не доставая меча, — она посмотрела ему прямо в глаза. — Я не знаю, кто ты, Ксаль. И мне плевать, какая кровь течет в твоих жилах. Я знаю, кто ты есть. Ты — клинок, который забыли в ножнах.

Она сделала глоток. — Меня зовут Селария ди Тейн. Мой род действительно потерял земли. Мой отец проиграл их в карты, а потом проиграл и себя. Я живу в двух комнатах над лавкой торговца рыбой. Я вышиваю рубашки для богатых дам, которые смеются мне в лицо. Я прихожу сюда каждый вечер, потому что здесь... здесь честно. Здесь пахнет грязью, а не розовой водой, за которой не чувствуешь запаха гниения.

Ксаль слушал. Он смотрел на эту женщину, на ее гордую осанку посреди разрухи, на ее янтарные глаза, в которых стояла такая же усталость, как и в его собственных. Она была такой же изгнанницей, как и он. Только ее изгнали не за цвет глаз, а за пустоту в кошельке.

— Ты искала защиты? — спросил он. — Думала, что я стану твоим телохранителем? У меня нет на это времени. Через три дня я, скорее всего, буду кормить червей. Или того хуже.

— Я искала того, кто не побоится, — она наклонилась чуть ближе через стол. — Того, кто не упадет на колени, когда Дерево содрогнется. Я видела, как ты смотрел на Рилана. Ты не видел в нем эльфа. Ты видел просто препятствие.

Внезапно она замолчала. Ее взгляд метнулся к его груди. — Что это? — ее голос стал напряженным. — Под рубашкой. Оно... пульсирует. Как сердце.

Ксаль инстинктивно прижал руку к груди, закрывая медальон. — Ничего. Амулет. От лихорадки.

Селария прищурилась. Она была слишком умна, чтобы поверить в эту ложь. Амулет, пульсирующий в такт с демонической сущностью, пульсирующий так, что это видно со стороны? — У тебя лихорадка, которая пахнет озоном и старой кровью? — тихо спросила она. — Интересно.

Она не стала настаивать. Она поняла, что коснулась границы, за которую ее не пустят. — Меня выгнали из дома сегодня утром, — внезапно сменила она тему, ее голос снова стал ровным и чуть насмешливым. — Хозяйка комнаты сказала, что мои вышивки слишком грустные для этого мира. Слишком много черного шелка. Сказала, что от них у крыс выпадают зубы.

Ксаль фыркнул. Впервые за этот вечер в его красных глазах промелькнуло что-то похожее на веселье. — Крысам полезно. Меньше будут грызть фундамент.

— Вот и я так думаю, — она улыбнулась чуть шире. — Поэтому я спустилась сюда. Выпить воды и посмотреть на мир без прикрас.

Она допила воду. Поставила кружку. — Спасибо, — сказала она, поднимаясь. — За то, что не стал устраивать резню. Трупы привлекают стражу, а у меня нет денег на взятку.

Она достала из кармана платья несколько медных монет, положила их на стол — плату за воду и за разбитую в ходе спора мебель — и направилась к лестнице.

— Эй, — окликнул ее Ксаль.

Селария остановилась, держась за перила. — Что?

— Твой нос, — Ксаль кивнул в сторону двери. — Когда Рилан говорил про «отца-банкрота». Ты побледнела так, что стала похожа на статую. Но когда он называл меня «ошибкой природы», ты даже не моргнула.

Селария долго смотрела на него. В ее янтарных глазах мелькнула боль, но она тут же скрыла ее за маской иронии. — Потому что «ошибка природы» — это просто слова, Ксаль. Пустой звук. А «отец-банкрот» — это когда тебе не на что купить хлеба. Слова не убивают. Голод — убивает.

Она развернулась и начала подниматься по лестнице. Ее шаги стихли на втором этаже.

Ксаль остался один. Он сидел в разгромленном зале «Сломанного Пера». Гном продолжал храпеть. Люди с кинжалами теперь смотрели на него с суеверным ужасом. Трактирщик Граш медленно, стараясь не шуметь, вытирал стойку, боясь поднять глаза.

Ксаль взял свою кружку. Эль действительно стал теплым и выдохшимся. Он сделал глоток. Город, который его ненавидел, только что показал ему свое второе лицо. Лицо, состоящее из янтарных глаз и гордости, которую не смогли сломить даже нищета и унижение. Ксаль посмотрел на свои руки. Они больше не дрожали. Три дня.

Он подумал о Пожирателе Корней. О Мраморном эльфе. О светящихся черепах. А потом он подумал о том, что завтра утром, возможно, стоит пройти мимо лавки торговца рыбой. Просто чтобы посмотреть, как вышивают черным шелком.

Он допил эль, встал, подошел к стойке и бросил на нее серебряную монету. — Граш, — сказал он тихо. — Если эти трое вернутся — а они вернутся, они слишком глупы, чтобы усвоить урок — скажи им, что я съел их матерей. И сожрал их души на десерт.

Граш сглотнул и часто закивал, смахивая монету в карман фартука быстрее, чем позволяли приличия. Ксаль поднялся в свою комнату. Запер дверь на засов. Подошел к окну, которого не было, и прислонился лбом к холодному, влажному камню. Он простоял так долго, вслушиваясь в песню города. Теперь в ней, среди фальшивых нот, он слышал что-то еще. Что-то живое.

Он сел на койку, достал из-под матраса потрепанную колоду карт.

— Ну что, — прошептал он в темноту, тасуя карты. — Похоже, у меня появился первый союзник.

Карты ложились на колени. Старая, засаленная Дурак. Повешенный. И Башня, перечеркнутая трещиной. Ксаль собрал карты. Усмехнулся своим красным глазам в темноте. Завтра будет интересный день.

Глава 3. Иллирия и огонь

Утро в Шепчущих Тенях пахло не росой и не озоном, как на Проспекте Тысячи Огней. Оно пахло вчерашней блевотиной, мокрым камнем и отчаянием.

Ксаль проснулся от того, что его демоническая кровь требовала движения. Серебряный медальон охлаждал кожу, но под ним, словно зверь в тесной клетке, ворочалась его истинная сущность. Три дня. Мраморный дал ему три дня до прихода Пожирателя, и Ксаль понимал, что просто сидеть в вонючей комнате — это лучший способ сойти с ума. Или позволить демону внутри сожрать его изнутри.

Он умылся ледяной водой из медной плошки, смывая остатки сна и вкус дешевого эля. Надел плащ, проверил, легко ли меч выходит из ножен, и спустился вниз.

Трактир «Сломанное Перо» в утренние часы выглядел еще более жалко, чем ночью. Солнечный свет, пробивающийся сквозь грязные окна, безжалостно высвечивал каждую трещину в полу, каждую жирную муху на столе и истинный цвет «тушеного мяса», которое Граш сейчас скормливал одинокому гному.

Ксаль бросил на стойку медяк. — Воды. И хлеба. Настоящего, если он у тебя есть.

Граш, протирая кружку грязной тряпкой, которая, кажется, только размазывала грязь, кивнул. — Есть лепешки. Вчерашние. Твердые, как совесть ростовщика. Будешь? — Давай.

Ксаль сел за тот же стол в углу. Он разломил сухую лепешку, макнул ее в кружку с водой и начал медленно жевать, глядя на дверь. Он думал о Селарии. О ее янтарных глазах и мозолях на пальцах. Мысль о ней была странной, колючей. Она не вызывала похоти или желания защитить — он давно забыл, как это делается. Она вызывала... диссонанс. Она была эльфом, перворожденной, существом, которое по всем законам мироздания должно было плевать на него с высоты своих хрустальных шпилей. А вместо этого она сидела в грязи и смотрела на него без страха.

Он почти закончил с лепешкой, когда с улицы донесся звук. Сначала далекий, неразличимый гул. Затем он начал нарастать, превращаясь в низкий, вибрирующий вой.

Песня Аэль Тириэна прервалась.

Это было невозможно. Город не просто замолчал — его вибрация, его магическое сердцебиение, которое Ксаль чувствовал подошвами сапог, содрогнулось в спазме. Хрустальная люстра под потолком трактира тонко, истерично зазвенела.

— Пожар! — раздался с улицы чей-то вопль, полный животного ужаса. — Горят Нижние Сады! Иллюзии рухнули!

Ксаль замер. Нижние Сады. Квартал, где жили самые бедные эльфы — те, кто ухаживал за корнями Древа, чистил каналы и чинил магические светильники. Квартал, построенный не из живого серебра, а из обычного камня и привитых к скалам деревьев, чья магия давно иссякла.

Гул превратился в рев.

Ксаль сорвался с места. Он не думал. Демон внутри него не боялся огня — для него пламя было родной стихией, языком, на котором говорила его проклятая кровь. Но сейчас Ксаль не выпускал демона. Он просто бежал.

Он вылетел из «Сломанного Пера» и влился в поток паники.

Улицы Шепчущих Теней, обычно полные сонной утренней рутины, превратились в бурлящую реку ужаса. Эльфы — гордые, бессмертные, презирающие суету — бежали, сбивая друг друга с ног. Их идеальные лица были искажены страхом, какого Ксаль не видел даже в глазах людей, когда на их деревни налетала орда орков.

Причина стала ясна, как только он выбежал на открытое пространство у старой каменоломни.

Там, где начинались Нижние Сады, бушевал ад.

Огонь был не обычным. Это была ревущая стена багрового, почти черного пламени, пожирающая древние деревья. Но самым страшным было не пламя. Магия Аэль’Тириэна пропитывала здесь каждый камень. И сейчас эта магия, лишенная контроля, сходила с ума. Горящие ветви извивались, как живые змеи, пытаясь уползти от жара. Каменные плиты на мостовой плавились, превращаясь в черное стекло, и по нему текли реки жидкого огня. Иллюзии, которые эльфы накладывали на свои дома, чтобы те казались изящными беседками, рухнули. Теперь это были просто уродливые каменные бараки, которые горели, как сухая солома.

И над всем этим стоял вой. Вой магической сигнализации — пронзительный, сводящий с ума звук, от которого лопались мелкие стекла в окнах соседних домов.

Эльфийская Стража была там. Высокие воины в серебристых доспехах, вооруженные луками из лунного дерева. Но они стояли в сотне шагов от стены огня, в оцепенении.

Ксаль увидел это отчетливо. Их элитная подготовка пасовала перед первобытным ужасом. Для эльфов, чья жизнь исчисляется веками, а мир подчиняется гармонии, такой хаос был концом света. Они смотрели, как горят их сородичи, и их руки, держащие луки, дрожали. Магия воды, которую пытался применить один из магов, просто испарялась, не долетая до ревущей стены, создавая лишь облака обжигающего пара.

— Расступись! — рявкнул Ксаль, врзаясь в толпу зевак.

Люди и эльфы шарахнулись от него. Красные глаза на фоне черного дыма и багрового пламени выглядели как ворота в самую Бездну. Он выглядел не как спаситель. Он выглядел как предвестник конца, пришедший забрать то, что принадлежит ему по праву.

— Там дети! — визжала какая-то эльфийка, цепляясь за руку мужа. — Нижние ярусы! Они отрезаны!

Ксаль не стал отвечать. Он побежал к огню.

Жар ударил по лицу тяжелой, плотной волной. Кожа на лице мгновенно высохла. Ксаль накинул капюшон плаща, обмотал нижнюю часть лица мокрым рукавом — рефлекс, вбитый годами наемничества — и шагнул в пекло.

Температура подскочила. Воздух превратился в кислоту, выжигавшую легкие. Но Ксаль шел вперед. Его демоническая кровь отозвалась на зов пламени. Он не поддался ей, нет — он не стал огненным элементом. Но он позволил крови *принять* жар. Огонь лизал его плащ, но не вспыхивал. Кожа на руках покраснела, но не пузырилась. Он использовал свою природу как щит, поглощая часть теплового удара, который убил бы обычного человека за секунды.

Он нырнул под рухнувшую горящую балку. Мир сузился до узкого коридора из дыма и пламени. Видимость была нулевой. Он ориентировался по звуку.

Слева послышался треск. Обрушилась часть стены. Ксаль рванулся вправо, в узкий проулок между двумя бараками.

И он услышал плач. Тонкий, захлебывающийся, безнадежный. Звук, который не спутать ни с чем. Звук ребенка, который понял, что сейчас умрет. Ксаль пошел на звук, перепрыгивая через горящие обломки. Он ворвался в тесный дворик-колодец.

Посреди двора, прижавшись к каменной стене, сидела маленькая эльфийка. На вид ей было не больше шести-семи лет по человеческим меркам. Ее волосы, цвета меда, слиплись от сажи. Дешевое платьице тлело по подолу. Она закрыла лицо руками и просто выла — без слез, потому что от жара они давно испарились, издавая один непрерывный, вибрирующий звук абсолютного ужаса.

Ксаль упал на колени перед ней. — Эй, — его голос прозвучал хрипло и низко. — Тихо.

Девочка вздрогнула и отняла руки от лица. Она посмотрела на него.

В ее глазах, огромных и полных животного страха, отразились его красные радужки. Она не закричала. Она просто смотрела на него, как на чудовище, которое пришло забрать

ее в преисподнюю. Для семилетнего эльфа демон с горящими глазами был персонажем самых страшных сказок.

— Меня прислала твоя сестра, — соврал Ксаль, хватая ее за руку. Кожа девочки была ледяной от шока. — Селария. Она ждет у выхода.

Имя сестры действовало. Девочка перестала выть. Она вцепилась в руку Ксалья с силой, которой не ждешь от ребенка. — Иллирия, — прошептала она. — Меня зовут Иллирия. — Держись за шею, — приказал Ксаль. — Крепче. И не дыши, пока я не скажу.

Он подхватил ее на руки. Она была легкой, почти невесомой. Пушинка.

Ксаль развернулся и бросился назад. Путь, которым он пришел, теперь был отрезан рухнувшей крышей.

Огонь бушевал вокруг. Горящие листья падали с неба, как огненные стрелы. Одна из них вонзилась в плечо Ксалья. Он не почувствовал боли — только тупой удар, — но плащ вспыхнул.

Ксаль сорвал его с себя на бегу, прикрывая Иллирию своим телом. Ткань горела, плавилась, прилипая к его собственной коже, но девочка под плащом была в безопасности.

Он ворвался в облако густого, черного дыма. Легкие горели. Демоническая кровь требовала выдохнуть пламя, превратить этот дым в чистый жар, сжечь весь квартал дотла в отместку за боль. Ксаль сжал зубы. Он держал демона на цепи.

Он бежал наугад, ориентируясь на просвет. Внезапно дым поредел. Он вывалился из горящего проулка прямо на площадь, где стояла Стража.

И тут же споткнулся. Он упал на одно колено, тяжело дыша. Иллирия, кашляя, обхватила его за шею так, что стало трудно глотать воздух.

Площадь замерла. Сотни глаз — эльфийских, человеческих, гномьих — уставились на него. Измазанный сажей, полуголый, с обгоревшим плечом, с которого свисали лохмотья кожи и ткани. С волос капал расплавленный гудрон. А на руках он держал абсолютно чистую, не тронутую огнем, хотя и перепуганную до смерти маленькую эльфийку.

Тишина была оглушительной. Прекратился даже вой сигнализации. Первой пришла в себя Иллирия. Она разжала руки, сползла с его рук на мостовую и бросилась в толпу. — Села! Села!

Толпа расступилась. Ксаль поднял голову, стирая с лица копоть.

Селария стояла в первом ряду. Она не кричала. Она не плакала. Она просто стояла, прижав руки ко рту, и смотрела на него. В ее янтарных глазах больше не было тоски. В них был шок, переходящий в нечто, чему Ксаль не мог дать названия.

Иллирия врезалась в нее, и Селария упала на колени, обнимая сестру, пряча ее лицо у себя на груди. Она гладила ее по волосам, что-то быстро, неразборчиво шепча.

Ксаль тяжело поднялся на ноги. Его плечо невыносимо жгло. Он пошатнулся.

В этот момент оцепенение Стражи спало.

Вперед выступил их капитан — эльф в доспехах, инкрустированных лунным камнем. Его лицо было бледным, как полотно. — Как... — начал он, и его голос дрогнул. — Как смертный... как это существо... смогло пройти сквозь Нижнее Пламя?

Один из магов, молодой, с прыщавым лицом, вышел из-за спины капитана. Он смотрел на Ксалья с суеверным ужасом. — Это не смертный, — прошептал маг. — Посмотрите на его глаза. Посмотрите на ауру. Он... он поглотил часть Огненного Шквала. Он использовал Хаос, чтобы пройти сквозь него. Дерево не пустило бы его. Он... он чужд этому миру.

Ксаль посмотрел на свои руки. Они тряслись. Мелкой, противной дрожью. Реакция. Приходит всегда после того, как ты переступаешь порог смерти.

Он встретился взглядом с Селарией. Она все еще стояла на коленях, прижимая к себе Иллирию. Но теперь она смотрела на него. Она медленно, словно во сне, поднялась на ноги.

Она сделала шаг. Потом второй. Толпа испуганно отшатнулась от нее, давая проход. Селария подошла к Ксалью. Она была выше его на полголовы. Она остановилась в шаге от него.

Ксаль ждал. Он ждал плевка в лицо. Ждал проклятия. Ждал, что она сейчас закричит, призывая Стражу схватить демона, пока он ослаблен. Селария медленно, очень медленно протянула руку.

Ксаль инстинктивно дернулся, ожидая удара. Но она не ударила. Ее тонкие, теплые пальцы коснулись его обгоревшего плеча, прямо над тем местом, где висел серебряный медальон.

Ксаль зашипел от боли.

— Тихо, — прошептала она. Ее голос дрожал. — Стой смирно.

Ее ладонь легла на рану.

Ксаль ожидал чего угодно. Молитвы Древу. Попытки вытащить кинжал. Но не этого.

От ее ладони пошло тепло. Не магическое, не светящееся. Живое. Человеческое. Она просто передавала свое тепло его замерзшей, обожженной коже. Она не лечила рану — для этого ей не хватало сил. Но она лечила шок.

— Ты вынес ее, — прошептала Селария, не убирая руки. Слезы покатались по ее щекам, смешиваясь с сажей. — Ты, кого они называют грязью... ты вынес ее из ада.

— Платье... — хрипло сказал Ксаль, глядя поверх ее головы. — Оно стоило дороже, чем весь этот квартал.

Селария тихо, надрывно рассмеялась сквозь слезы. Это был страшный, истеричный звук. — Дурак, — сказала она. — Какой же ты дурак, Ксаль.

Она опустила руку. Ее пальцы были в его крови и саже. Она посмотрела на свою ладонь, потом снова на него.

Вокруг них бушевал пожар. Ревели трубы Стражи, наконец-то начавшей организовывать эвакуацию. Падали горящие деревья. Город умирал по кускам.

Но в этом круге выжженной земли, между демоном и эльфийкой, вдруг стало тихо.

Капитан Стражи прочистил горло. — Существо, — его голос был полон почтительного страха. — Именем Великого Древа... мы обязаны взять тебя под стражу. Использование неконтролируемой Хаотической магии в черте города...

Селария медленно повернулась к нему. Она не сделала ни одного угрожающего жеста. Она просто посмотрела на капитана своими заплаканными, янтарными глазами. — Вы только что стояли и смотрели, как горят дети, капитан, — ее голос был тихим, но его услышал каждый на площади. — Вы ждали, пока Древо само потушит огонь. А он — он вошел. Если вы коснетесь его сейчас, клянусь памятью моей матери, я расскажу об этом на каждом углу Проспекта. О том, как Стража Аэль’Тириэна боится грязи больше, чем огня.

Капитан побледнел. Его рука, лежавшая на рукояти меча, дрогнула и опустилась.

Селария снова повернулась к Ксалью. Она сняла с себя тонкий шерстяной платок и начала осторожно, почти нежно, перевязывать его плечо, стараясь не касаться самых глубоких ожогов. — Тебе нужен целитель, — сказала она. — Настоящий. — Мне нужен только эль и тишина, — буркнул Ксаль, но не отстранился. Боль под ее пальцами становилась терпимой.

— Ты пойдешь со мной, — это был не вопрос.

— Твоя хозяйка выгнала тебя за черные вышивки. Куда ты меня поведешь? Под мост? — К торговцу рыбой, — она затянула узел на плече. — Я уговорю его. Скажу, что ты спас не только мою сестру, но и его лучшие бочки с селедкой. А если не поверит... — она впервые за все время улыбнулась по-настоящему, и эта улыбка была острее бритвы, — я скажу ему, что если он нас выгонит, ты вернешься и сожжешь его лавку. У тебя, я смотрю, с огнем особые отношения.

Ксаль смотрел на нее сверху вниз. На ее перепачканное лицо, на дрожащие губы, на то, как уверенно она командует им посреди рушащегося мира.

Его демоническая кровь, только что требовавшая сжечь все вокруг, сейчас довольно урчала. Ей нравился запах ее волос. Запах меда и дыма.

— Ты понимаешь, — медленно произнес Ксаль, — что теперь ты моя должница? Я ненавижу долги.

Селария закончила с повязкой и отступила на шаг, критически осматривая свою работу. — Я понимаю, — кивнула она. — Но я женщина практичная. Твоя жизнь в залоге у меня стоит гораздо дороже, чем комната на одну ночь.

Она взяла Иллирию за руку. Девочка, уже успокоившаяся в объятиях сестры, теперь во все глаза смотрела на Ксаля. В ее взгляде не было страха. Было благоговение. — Он пахнет дымом, — прошептала Иллирия. — Как дракон из сказок. — Он хуже дракона, — ответила Селария, увлекая Ксаля за собой, подальше от Стражи. — Он гораздо, гораздо опаснее. Он — человек, который делает то, что должен.

Они шли прочь от пожара. За их спинами, наконец, взревела магия — это прибыли Высшие Маги Древа, и стена огня начала медленно отступать под напором ледяных штормов.

Ксаль шел между двумя эльфийками. Его плечо горело огнем, легкие болели от дыма, а медальон под повязкой пульсировал, словно второе сердце. Он только что совершил самый безумный поступок в своей жизни. Он спас перворожденную. Он, «ошибка природы», «грязнокровка», «исчадие тьмы», вынес из пламени ребенка той расы, которая его ненавидит.

И самое страшное, что где-то глубоко внутри, там, где жила его проклятая кровь, он чувствовал не гордость.

Он чувствовал удовлетворение.

— Куда мы идем? — спросил он, когда они свернули в относительно уцелевший переулок. — Ко мне, — ответила Селария. — Я заварю тебе чай. Из настоящих листьев, а не из пыли. И ты расскажешь мне, почему твои глаза цвета крови, и почему от тебя пахнет озоном, как после грозы.

— Я не люблю чай, — сказал Ксаль.

— Придется полюбить, — отрезала она. — Раз уж ты решил стать моим личным чудовищем.

Ксаль усмехнулся. Впервые за долгие годы эта усмешка не была жестокой или циничной. Она была просто... усталой.

Город Аэль'Тириэн все еще горел. Город все еще ненавидел его. Но теперь у него была причина вернуться в этот огонь. И эта причина шла сейчас рядом с ним, крепко держа за руку свою маленькую сестру.

Глава 4. Первая трещина в небе

Дом торговца рыбой пах так, как и должен пахнуть дом на самом дне Шепчущих Теней: старой чешуей, рассолом, влажной древесиной и безысходностью. Но внутри, в крошечной мансарде под самой крышей, куда Селария втокнула Ксаля, пахло иначе. Здесь пахло сухими травами, дешевым, но чистым воском и чем-то неуловимо цветочным — духами Иллирии, которые она, видимо, берегла для самых редких праздников.

Ксаль опустился на единственный стул, стоявший у кривоногого стола. Дешевая древесина протестующе закричала под его весом. Плечо, перевязанное шерстяным платком Селарии, пульсировало тупой, горячей болью. Демоническая регенерация уже начала свою работу — края ожогов покрылись черной, блестящей коркой, а под ней стремительно нарастала новая плоть, но процесс был мучительным. Демоническая кровь не терпела вмешательства чужой, слабой магии исцеления, она отторгала ее, выжигая остатки тепла, оставленного ладонями Селарии.

— Сиди смирно, — бросила Селария, зажигая масляную лампу. Пламя дрогнуло, выбросив сгусток копоти. — И сними этот свой медальон. От него несет могилкой, он мешает мне понять, насколько сильно ты поджарился.

Ксаль не пошевелился. Его правая рука лежала на столе, и пальцы медленно, сами по себе, выстукивали дробь по дереву. Ритм был рваным, нервным. — Не могу, — коротко ответил он.

Селария обернулась. В ее янтарных глазах больше не было вчерашней истерики или слезливой благодарности. Пожар и спасение сестры смыли с нее всю накипь аристократического воспитания, оставив лишь голую, жесткую суть. Она смотрела на него взглядом хирурга, оценивающего гангрену. — Это из-за него ты не горишь? — спросила она, кивнув на его грудь. — Или из-за него ты не лечишься? — И то, и другое, — Ксаль поморщился, когда Селария начала разрезать обгоревшие лохмотья его рубашки. — Он глушит мою кровь. Если я его сниму, Стража почувствует меня за милую. А Пожиратель... он придет прямо на запах.

— Пожиратель? — Селария на секунду замерла с ножом в руке. — Тот, о котором говорил пепельный мертвец в трактире? — Он самый. И он будет здесь через два дня. Если этот город к тому времени не утонет в собственном дерьме.

Селария закончила с рубашкой. Ее лицо помрачнело. Кожа на плече и груди Ксаля представляла собой карту войны: багровые, воспаленные ожоги, перемежающиеся с гладкой, почти черной демонической кожей, которая не бралась обычным огнем. — Ты не человек, — констатировала она, доставая из сундучка горшочек с густой, остро пахнущей мазью. — Но и не совсем демон. Ты — гниющая рана между мирами. — Я предпочитаю термин «независимый подрядчик», — огрызнулся Ксаль, когда она начала наносить холодную мазь на ожоги. Прикосновение заставило его зашипеть сквозь зубы. — Тише! — рявкнул он. — Твоя мазь воняет хуже гнома. — Это вытяжка из корня мандрагоры и желчь василиска, — невозмутимо ответила Селария, продолжая втирать состав. — Радуйся, что я не добавила туда слез девственницы, они нынче дороги. А теперь отвечай. Что это за Пожиратель?

Ксаль откинулся на спинку стула, стараясь не дергаться. Боль медленно отступала под действием мази, сменяясь ледяным онемением. — Страж, — сказал он. — Древний. Из тех времен, когда Бездна еще была просто дырой в полу, а не местом, куда ссылают непослушных духов. Его поставили охранять разломы. Но что-то пошло не так. Он начал... голодать. Теперь он пожирает саму материю миров, чтобы заполнить пустоту внутри. Дерево Аэль Тириэна для него — как бочка лучшего вина для пьяницы. Он выпьет его корни, и город рухнет в пустоту.

Селария плотно закрутила крышку горшочка. Ее руки были в черной мази и его крови. — И Мраморный хочет, чтобы ты это остановил? Один? — Я — сторожевой пес, забыла? —

Ксаль криво усмехнулся. — Меня спустили с цепи. Только вот цепь все еще на мне. — Он коснулся серебряного медальона. — Если я вступлю в бой в полную силу, магический фон города сойдет с ума. Сюда сбежится вся Стража, все маги и половина Древних. Это будет не битва, а бойня, в которой меня размажут первым. Мне нужно подобраться к Осколку тихо.

В этот момент снизу, с первого этажа дома, донесся грохот и сдавленный вопль торговца рыбой. — Сгорели мои бочки! Мое масло! Мои лучшие бочки с маринадом! Разорение! Великий Лес, за что?!

Иллирия, которая все это время тихо сидела в углу, обхватив колени, вздрогнула. Она подбежала к лестнице и перегнулась через перила. — Дядя Борг! Не кричите, у вас лопнет лицо! Мы здесь! — Вы?! — взревел торговец. — Из-за вас мой квартал превратился в угли! Если бы не этот... этот выродок, моя Илли сейчас жарилась бы, как утка на вертеле! Я... я... я должен отблагодарить его! Но как?! У меня нет денег! Все сгорело!

Селария закатила глаза. — Я же говорила, — прошептала она Ксалью. — Практичность — наше все. — Скажи ему, что я выпью весь его маринад, — предложил Ксаль. — Может, это его убьет быстрее, чем пожар.

Снизу послышались тяжелые, шаркающие шаги. Дверь мансарды распахнулась, едва не слетев с петель. Торговец Борг, толстый, лысый эльф с красным лицом, ввалился в комнату. В руках он сжимал бутыл мутного стекла. — Вино! — выдохнул он, ставя бутыл на стол с такой осторожностью, словно она была сделана из хрусталя. — Мое личное! Из погреба! Выдержка сто лет! Забирай, демон. Ты спас мою кровь. Это меньшее, что я могу сделать. И если кто-то из Стражи спросит, я скажу, что ты — мой племянник из дальних земель. Очень дальних. Где все такие... красные.

Ксаль посмотрел на бутыл. Затем на лицо торговца. Он медленно кивнул. — Благодарю, Борг. Если услышишь взрыв с этой стороны крыши — не поднимайся. — Понял, — просиял торговец и, пятясь, вывалился из комнаты, аккуратно прикрыв дверь.

Иллирия хихикнула. Звук был похож на звон разбивающегося льда — тонкий и хрупкий. — Ты его напугал, — сказала она, глядя на Ксалью с нескрываемым обожанием. — Ты похож на ворона, который съел слишком много блестящих камней. — Иллирия, — строго одернула ее Селария, но в ее голосе не было злости. — Иди к себе. Нам нужно поговорить.

Девочка надула губы, но послушно скользнула за ситцевую занавеску, отделявшую ее закуток.

Как только занавеска сомкнулась, Селария села на край стола, прямо напротив Ксальи. Она взяла бутыл вина, зубами выдернула деревянную пробку и сделала долгий глоток прямо из горлышка. Вытерла губы тыльной стороной ладони. — Вино хорошее, — сказала она. — Значит, пожар был не только в нашем квартале. Раз Борг достал погребальный запас, значит, горело и у Верхних.

— Пожар был везде, — Ксаль взял бутыл из ее рук. Вино действительно оказалось густым, терпким, с нотками полыни. Оно обожгло горло, но принесло ясность. — Огонь выбирает не по статусу. Огонь просто жрет. Как и то, что идет за нами.

Ксаль встал. Комната внезапно показалась ему слишком тесной. Потолок давил. Он подошел к единственному окну, выходившему на задний двор. Распахнул ставни.

В лицо ударил ветер. И вместе с ветром пришел запах. Ксаль замер. Его тело превратилось в натянутую струну. Он вдохнул еще раз, глубоко, раздувая ноздри.

Селария подошла сзади, встала у него за плечом. Она тоже принялась дышать. — Серой пахнет, — сказала она неуверенно. — И... тухлыми яйцами? У нас снова прорвало канализацию?

Ксаль не ответил. Его красные глаза расширились, зрачки превратились в вертикальные щели. Он смотрел не на тесный дворик, не на гнилые бочки и развешанное белье. Он смотрел сквозь него.

— Это не канализация, — его голос стал низким, вибрирующим, в нем прорезались гор-
танные, нечеловеческие обертоны. — Это Озеро Скверны. Мой дом, Селария. Мой родной
мир.

Он втянул воздух еще раз. — Но он... другой. Скверна моего мира пахнет битвой, серой
и озоном. Это запах чистой, незамутненной энтропии. А здесь... — он сглотнул. — Здесь к
сере примешан запах гниющей плоти. Древней. Как будто вскрыли курган, в котором хоронили
титанов. Это Скверна, но... отравленная. Искраженная.

Селария смотрела на его профиль. В свете масляной лампы его лицо, обычно скрытое
тенью капюшона, казалось высеченным из обсидиана. Красные глаза пылали, как два угля в
горне. — Что значит «искаженная»? — тихо спросила она.

— Магия, — Ксаль сжал подоконник так, что побелели костяшки. — Магия вашего
Древа. Она смешивается с моей реальностью. Представь, что ты льешь мед в кислоту. Рвется
сама ткань пространства.

Он отпустил подоконник и резко обернулся. В тесной мансарде стало нечем дышать от
сгустившейся ауры. — Слияние началось, — выдохнул он. — Мраморный не соврал. Пожиратель
не просто идет. Он уже здесь. Или, точнее, *оно* уже здесь. Разлом открывается.

В этот момент издали, со стороны Проспекта Тысячи Огней, донесся звук.

Это не был крик. Не был грохот. Это был звук, который не должен существовать в при-
роде. Тонкий, пронзительный визг, от которого заныли зубы, словно кто-то провел стеклом по
стеклу, но этот звук проходил не через уши, а через кости. Он вызывал тошноту и первобыт-
ный, атавистический ужас.

Селария зажала уши руками. Иллирия за занавеской тихо заскулила.

Ксаль пошатнулся, но устоял. Для него этот звук был почти родным — это кричала
рвущаяся материя. Но в этом крике была новая, пугающая нота. Нота абсолютной, голодной
пустоты.

— Что это было? — прошептала Селария, опуская руки. Ее уши, даже изуродованные
шрамами, заострились от напряжения. — Небо треснуло, — ответил Ксаль. — В первый раз.

Следующие часы город сходил с ума. Пожар, который с таким трудом тушили Высшие
Маги, оказался лишь прелюдией. Когда Визг затих, оставив в ушах лишь болезненный звон,
жители Аэль'Тириэна начали замечать небо.

Оно больше не было сапфировым.

С востока, со стороны Древнего Леса, горизонт наливался густым, нездоровым багрян-
цем. Это был не цвет заката. Это был цвет открытой раны, цвет свернувшейся крови. Багровая
полоса медленно, неотвратимо ползла вверх, пожирая синеву.

А потом пошел пепел.

Он падал не так, как сажа после пожара. Это был серый, легкий, почти невесомый прах,
который светился изнутри тусклым, зеленоватым светом. Он оседал на белых шпилях, на
живых мостах, на изумрудной листве. И там, где прах касался магии Древа, листва начинала
чернеть и скручиваться, не сгорая, а просто... умирая. Тихо, беззвучно, теряя свою живую суть.

Селария стояла у окна мансарды, прижав к стеклу ладони. Иллирия сидела у ее ног, спря-
тав лицо в складках ее юбки. — Смотри, — прошептала Селария. — Сады Скорби... они ста-
новятся серыми.

Ксаль стоял за ее спиной. Он смотрел не на пепел. Он смотрел на тени. Тени в городе вели
себя неправильно. Тень от шпиля ратуши, которая должна была лежать на мостовой неподвиж-
ной стрелкой, медленно ползла в сторону, противоположную положению багрового солнца.
Тень от дерева во дворе извивалась, как змея, пытающаяся сбросить кожу. Тени жили своей
жизнью, и в них не было людей.

— Они забирают объем, — глухо сказал Ксаль. — Разлом высасывает пространство. Тени
— это пустота. А Пожиратель питается пустотой.

Улицы внизу, которые еще утром были полны паники, теперь погрузились в жуткую, ватную тишину. Эльфы выходили из своих домов — каменных бараков Шепчущих Теней и хрустальных дворцов Проспекта. Они выходили, смотрели на багровое небо, на светящийся пепел, на извивающиеся тени. И стояли. Они не кричали. Не плакали. Они просто стояли, запрокинув головы, и их идеальные, бессмертные лица ничего не выражали. Это было лицо расы, столкнувшейся с концом времен, для которого у них не было ни песен, ни заклинаний.

— Нам нужно наверх, — сказал Ксаль. — На самую высокую точку. К Корням Мира. Мраморный сказал, что Осколок там. И там же будет центр разлома.

— Ты сошел с ума? — Селария повернулась к нему. Ее лицо было бледным, но глаза горели решимостью. — Туда сейчас движется вся Стража. Там будут Высшие Маги. Если ты покажешь им свою истинную силу, они насадят тебя на копье быстрее, чем ты успеешь произнести слово «демон».

— У меня нет выбора, — Ксаль подошел к столу, взял бутылку с вином и сделал долгий глоток. — Я должен найти Осколок до того, как Пожиратель поглотит его. Если Осколок упадет в Бездну, ваш город станет просто дырой в карте. Якоря не станут, и весь Аэль’Тириэн провалится в мою Скверну. Навсегда.

— И что тогда? — спросила Селария. — Что будет с нами? — Вы станете мной, — просто ответил Ксаль. — Демонами. Уродами. Тем, на кого показывают пальцем в других мирах. Вы будете жить вечно, но эта вечность будет состоять из голода и боли. Ваша магия обернется против вас. Ваши дети будут рождаться с лишними глазами и жаждой плоти. Это не смерть, Селария. Это порча.

Селария смотрела на него долго. Затем она подошла к занавеске. — Иллирия. Собери самое ценное. То, что сможешь унести в руках. — Мы уходим? — пискнула девочка, выглядывая. — Мы идем спасать мир, — отрезала Селария. — Одевайся теплее. На Корнях всегда сквозит.

Иллирия, привыкшая к странностям сестры, молча полезла в сундук.

Селария подошла к своему сундучку. Достала оттуда длинный сверток промасленной ткани. Развернула. Внутри оказался лук. Не изящный, резной эльфийский лук из лунного дерева, а тяжелый, композитный лук из рога и ясеня, с тетивой из стального троса. Оружие войны, а не охоты. Рядом лежал колчан, полный черных стрел с белым оперением.

— Я не брала его в руки пять лет, — сказала она, проверяя натяжение тетивы. — С тех пор, как отец проиграл наши земли. Но руки помнят. — Ты умеешь стрелять? — Ксаль приподнял бровь. — Я думал, аристократки вышивают и умирают от скуки. — Я умею убивать, Ксаль, — она закинула колчан за спину. — Когда твой отец проигрывает тебя в карты вместе с мебелью, быстро учишься отличать острое кинжала от рукояти. Я пойду с тобой.

— Исключено, — Ксаль покачал головой. — Там будет мясорубка. Я не могу гарантировать, что вытащу тебя оттуда. И я не могу гарантировать, что не сорвусь. Если я сниму медальон, чтобы использовать силу, я могу случайно сжечь тебя. Или твою сестру.

— Ты не сожжешь, — Селария посмотрела ему прямо в глаза. — Ты вынес Иллирию из огня. Ты мог бросить ее и уйти. Ты этого не сделал. Я ставлю на то, что ты не бросишь и нас. К тому же, — она криво усмехнулась, — кто-то должен будет прикрывать твою спину, пока ты будешь играть в героя с Осколком. Ты слишком громкий. А я умею ходить тихо.

Ксаль смотрел на нее. На женщину в потертом платье, с тяжелым боевым луком в руках, которая только что подписала себе смертный приговор, даже не спросив его разрешения. В ее упрямстве было что-то пугающе знакомое. Такая же выжженная земля внутри, как и у него. Только ее выжгло предательство близкого, а его — рождение.

— Ты идиотка, — сказал он, но в его голосе не было злости. — Мы все тут не блещем умом, — парировала она. — Собирайся. Илли, ты остаешься здесь. Запрись. Если через час

мы не вернемся, бери серебро, что я спрятала под половицей, и беги к тетке в Нижний Порт. Поняла?

Иллирия кивнула, ее губы дрожали. Она подбежала к Ксалью и внезапно, привстав на цыпочки, поцеловала его в обгоревшую, покрытую мазью щеку. — Не умирай, ворон, — прошептала она.

Ксаль замер. Тепло ее сухих губ на обожженной коже было самым странным ощущением в его долгой, уродливой жизни. Он неуклюже, словно разучившись, положил тяжелую ладонь ей на голову, взъерошив медовые волосы. — Я постараюсь, пташка.

Они вышли в город через час.

Аэль'Тириэн изменился до неузнаваемости. Багровая мгла стусилась, превратив день в сумерки. Светящийся пепел падал так густо, что хрустело под ногами, как снег в лютую зиму. Но этот «снег» был радиоактивно-зеленым.

Улицы были завалены брошенными вещами. Эльфы бежали из нижних кварталов в Верхний Город, надеясь, что магия Древа там сильнее. Они тащили сундуки, картины, фамильные доспехи. Это была жалкая, абсурдная процессия обреченных, спасающих свой скраб на тонущем корабле.

Ксаль и Селария шли против течения. Они шли вниз, к основанию города, к Корням Мира.

Чем ближе они подходили к фундаменту Аэль'Тириэна, тем сильнее менялась физика. Воздух стал густым, тягучим, как патока. Каждый шаг давался с трудом, словно они брели по дну реки. Гравитация плавала — иногда Селария внезапно становилась почти невесомой и едва не взлетала, а в следующую секунду ее прижимало к земле так, что трещали колени.

— Мы близко, — прохрипел Ксаль. Его красные глаза в зеленом полумраке светились, как два фонаря. — Искажение пространства. Пожиратель жрет фундамент.

Запах серы и гнили стал невыносимым. Теперь к нему примешивался запах озона, настолько резкий, что он обжигал слизистую носа.

Они вышли на Площадь Корней.

Обычно это было место тихой, мрачной красоты. Огромные, узловатые корни Великого Древа, толщиной с крепостную стену, уходили здесь прямо в скальное основание континента, исчезая в глубокой, вечно темной пропасти. Корни пульсировали мягким золотым светом, перекачивая магию из недр земли в шпиль города.

Сейчас Площадь превратилась в филиал Бездны.

Корни больше не светились золотом. Они стали черными, обугленными. По их поверхности пробегали лиловые разряды молний, которые не трещали, а шипели, растворяя камень. Сама пропасть под ними исчезла. Там, где должна была быть пустота, теперь висел... пузырь.

Огромный, переливающийся всеми оттенками фиолетового и гнойно-зеленого, пузырь реальности. Поверхность его кипела, шла волнами. И из этого пузыря, прямо в корни Древа, били сгустки чистой тьмы. Они не были материальными. Это были сгустки абсолютного небытия, и там, где они касались черного корня, тот просто... переставал существовать. Не сгорал, не ломался. Исчезал, оставляя после себя рваные края пространства, в которых виднелись другие миры — красные небеса, текущие реки лавы и силуэты чего-то невообразимого, скользящего на фоне звезд.

— Святые Древние, — выдохнула Селария, опуская лук. — Оно... оно ест само мироздание.

— Оно прокладывает путь, — голос Ксалья звучал глухо, он с трудом выдавливал слова из пересохшего горла. Его демоническая сущность билась в агонии. Это была его родная Скверна, но она была вывернута наизнанку. Она пахла домом, но домом, в котором поселился неизлечимый мор. — Пожиратель не просто жрет. Он использует энергию Скверны, чтобы раство-

ритель якорь вашего Древа. Как кислота растворяет металл. Как только корень лопнет, пузырь лопнет следом. И весь ваш Аэль'Тириэн хлынет в эту рану.

Вокруг Площади Корней кипел бой.

Эльфийская Стража, закованная в сияющие доспехи, пыталась сдержать натиск... *чего-то*. Из пузыря вываливались твари. Они не имели постоянной формы. То это были пауки из застывшего стекла, то потоки ртути с человеческими лицами, то просто куски шевелящейся, гниющей плоти.

А над всем этим, стоя прямо на краю пузыря, возвышалась фигура.

Пожиратель Корней.

Он изменился с момента их встречи в трактире. Его костяные доспехи теперь были покрыты пульсирующими венами. Его волосы-обсидиан превратились в клубок шипящих змей тьмы. Но страшнее всего было его лицо. Он снял серебряную повязку с глаз.

У него не было глаз. В провалах его черепа вращалась сама Бездна, и из этих провалов на поле боя лился поток такого абсолютного, концентрированного ужаса, что эльфы-заступники, попадавшие под этот взгляд, бросали оружие и начинали выцарапывать себе глаза, воя, как раненные звери.

— Вот и он, — спокойно сказал Ксаль. — Ждет. Он знает, что я приду. Он чувствует медальон.

— Он нас убьет, — прошептала Селария. Ее лицо было белым, как мел, но руки, держащие лук, не дрожали. Она достала из колчана стрелу. Наконечник из черного обсидиана казался куском замерзшей ночи.

— Не сегодня, — Ксаль шагнул вперед. Он остановился в десяти шагах от края кипящего пузыря. — Эй, Красавчик! — крикнул он, сложив руки рупором. — Я пришел за долгом! Ты забыл свой Осколок в моей сумке!

Пожиратель медленно повернул свою жуткую голову. Вращение Бездны в его глазницах на секунду замедлилось, сфокусировавшись на Ксале.

И Ксаль почувствовал удар.

Это не была ментальная атака. Это было давление *отсутствия*. Пожиратель давил на саму его душу, пытаясь вырвать ее из тела, чтобы заполнить пустоту внутри себя. Легкие Ксаля отказались работать. Сердце пропустило удар. Кровь в венах стала густой и холодной. Демон внутри него заскулил, впервые в жизни испытывая настоящий, животный ужас перед тем, кто сильнее.

Ксаль упал на одно колено, оперев руку в землю. Серебро медальона раскалилось добела, выжигая узор на коже груди, удерживая его душу на месте.

— Неплохо, — прохрипел Ксаль. — Но я завтракал и покрепче.

Он поднял голову. Его красные глаза вспыхнули так ярко, что на мгновение пересилили свет Бездны.

Ксаль сорвал медальон. Раздался звук — тихий, хрустальный звон, который услышали все на площади. Звук лопнувшей струны мироздания. Кокон фальшивой человечности разлетелся вдребезки. Воздух над Площадью Корней вспыхнул багровым пламенем. Демоническая аура Ксаля вырвалась на свободу, ударив во все стороны, как волна от взрыва. Она была горячей, злой и голодной.

Эльфы-Стражи, находившиеся рядом, вспыхнули и рассыпались пеплом, даже не успев вскрикнуть. Их магия, их доспехи, их плоть — все обратилось в ничто, соприкоснувшись с чистой, необузданной Хаотической сущностью.

Селария, стоявшая чуть дальше, зашипела от боли, но устояла, прикрыв лицо локтем. Ее волосы взметнулись вверх, подчиняясь антигравитации демонического поля. Ксаль поднялся с колена.

Он больше не выглядел как человек. Его силуэт исказился, стал выше, массивнее. Кожа на руках пошла трещинами, из которых сочился тусклый багровый свет. Его тень на земле

больше не принадлежала ему — она отделилась, встала на дыбы и зашипела, обнажая тысячи мелких зубов.

— Ты пахнешь страхом, — пророкотал Ксаль. Его голос теперь звучал как хор из тысячи голосов, наложенных друг на друга. — Ты пахнешь пустотой. А я пахну *болью*.

Пожиратель Корней улыбнулся. Впервые за все время. Его рот разорвался до ушей, обнажая ряды игольчатых зубов. «Наконец-то, — прозвучало в голове у Ксаля. Голос Пожирателя был голосом самой энтропии. — Я устал ждать закуску».

Пожиратель взмахнул рукой. Из пузыря реальности вырвался сгусток абсолютной тьмы. Он летел прямо в Ксаля.

Ксаль не стал уклоняться. Он шагнул навстречу. Он открыл рот и *вдохнул*.

Сгусток тьмы, способный аннигилировать гору, втянулся в его легкие, как дым от сигареты. Ксаль выдохнул через ноздри две струи багрового пламени.

— Вкусно, — прорычал он. — Но мало.

Селария смотрела на это, забыв, как дышать. Перед ней стоял не демон. Перед ней стояла первобытная катастрофа, заключенная в гуманоидную форму. И этот монстр только что спас ей жизнь, спалив на подлете еще один сгусток тьмы, направленный в нее.

Она тряхнула головой, сбрасывая оцепенение. Она пришла сюда не для того, чтобы смотреть. Она подняла лук.

Пока два воплощения Бездны — голодное и контролирующее — готовились разорвать друг друга на куски, Селария ди Тейн наложила на тетиву стрелу с наконечником из обсидиана, прошептала древнее, забытое эльфийское проклятие крови и натянула тетиву до самого уха. Она целилась не в Пожирателя.

Она целилась в пульсирующую вену на его плече, которая соединяла костяной доспех с телом. Она целилась в единственное место, которое выглядело... уязвимым. Небо над Аэль'Тириэном окончательно треснуло. И из трещины пошел дождь из светящихся зеленых черепов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.